

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава XI. Отрицательное отношение к реформам Никона в среде православных (4)

Но что особенно характерно и любопытно: колебания и неуверенность, царившие тогда в русском обществе относительно законности и доброкачественности церковной реформы Никона, поддерживали сами греки, по указаниям и под руководством которых, как мы знаем, Никон производил свои грекофильские реформы. Теперь, по удалении Никона с патриаршей кафедры, некоторые греки перешли на сторону врагов Никона и стали изображать его, подобно старообрядцам, церковным самочинным новатором, нарушителем священной церковной старины и обычаев. Грек иеродиакон Мелетий, посланный государем приглашать восточных патриархов в Москву для устройства русских церковных дел, изобразил Никона пред иерусалимским патриархом Нектарием церковным новатором, почему Нектарий, в своей грамоте государю, от 20 марта 1664 года, между прочим пишет: «о Никоне же сказал (Мелетия) некоторые важные дела, почти неизвинительной, кои *все суть нововведения*, которой вам кажутся не очень достоверными... Кир Никон (будто бы) *выдумал некоторые новости касательно церковного порядка и желает, чтобы сие против обыкновения принято было*». В виду таких представлений о Никоне, полученных восточными патриархами от царских посланцев к ним греков, они в своих ответах да царские вопросы, имея в виду сделанных им сообщения о самочинных церковных новшествах Никона, пишут: патриарху не должно «в церковных делах советовать или изменять древния узакования или обычаи, или новая священнослужения вводить в божественную церковь, или изменять и отдалять чины святых литургий, разве тех установленных и узаконенных, сиречь: святого Златоустого и великого Василия и прежде священных, но хранить убо правую к цари веру, к церковным же преданиям и обычаем держати ум неизменен и ни чесоже обновляти в них». Но особенно любопытно познакомиться, в чем, между прочим, обвинял Никона сам называвший себя ученым — газский митрополит Паисий Лигарид, игравший тогда при московском дворе особенно выдающуюся роль. В докладной записке государю, в которой он оправдывается от обвинений, взведенных на него Никоном, Паисий перечисляет вины Никона и между ними указывает: «яко новых чинов употребил есть (Никон), древния чины оставя и отринув». Паисию Лигариду царем поручено было составить докладную записку о деле Никона для ехавших в Москву восточных патриархов. Паисий составил эту записку и в ней обвиняет Никона в том, «что он переменял обычаи прежних московских патриархов не только тем, что вместо синих скрижалей стал носить червленые и что не поминал торжественно вселенского по-прежнему, но и тем, что ввел новые обряды и томы (определения), переоблачался во время божественного тайнодействия (имея восемьдесят саккосов, за одной обедней переменял их до

двенадцати). Чтоб не казаться ниже Бога всяческих, чудовищно придумал он для песнопения служебные чины или лики, назвав некоторых отроков херувимами и серафимами, которые прислуживали ему внутри страшного олтаря, где он чесался перед зеркалом. Из олтаря он сделал преторию, в которой снимал цепи с закованных иеродиаконов. Он отменил песни троичные, сложенные патриархом Митрофаном и воспеваемой обыкновенно каждое воскресенье; между тем 2-й канон 6-го собора повелевает песням, слагаемым святыми отцами, оставаться неизменными. Как же не подвергается *тройной анафеме Никон*, который велел, против порядка церковного, совершать единожды освящение Богоявленское, которое велено совершать дважды, а именно: в навечерие и самый праздник... Какой человек рассудительный будет отвергать, что *Никон нововводитель, когда он поколебал устав и древнее церковное предание?* Он был рукоположен во второй раз, когда сделался патриархом, а двух архиереев, прежде отставленных, снова рукоположил, вопреки 67 канону апостол, отлучающих за такоерукоположение и поставляющего, и ставленника... Остается Никону призвать одно из двух: или что он никогда не был поставлен в Новгороде, потому что патриарх Иосиф еретик (что ложно и неразумно), или же, что был снова поставлен, *он никогда не был законным патриархом*. Сверх того, поставления им совершенные, не имеют силы, потому что совершены мужем, снова рукоположенным». — А между тем все это о Никоне писано было не каким-нибудь фанатичным и невежественным поборником старины, как естественно было бы подумать, а ученым греком — митрополитом Паисием Лигаридом, писано им по особому поручению царя с целию ознакомить восточных патриархов с личностью и церковной деятельностью патриарха Никона. Таким образом, после удаления Никона с патриаршего престола, мы встречаем в тогдашнем обществе очень сильное и распространенное течение, отрицательно относившееся к церковно-реформаторской деятельности Никона, стремившееся признать ее во всех отношениях несостоятельною и даже вредною и губительною для церкви. Эти отрицательные взгляды на реформу Никона исходили не от одних только принципиальных противников новых церковных порядков, во были распространены и в церковно-православной среде, и не только между низшим белым и черным духовенством, но и между архиереями и даже между учеными греками, в то время проживавшими в Москве.

Смута, неуверенность и колебания, существовавшие тогда в обществе относительно признания или непризнания церковных реформ Никона, резко проявляли себя прежде всего в тогдашней церковно-богослужебной практике.

Реформы Никона круто подорвали прежние привычные церковно-богослужебные порядки, в первое время не дав однако на место старого чего-либо прочного и всеми признаваемого нового: старое и новое вступило в ожесточенную борьбу между собою за право существования, причем в одних случаях побеждало старое, в других — новое, часто новое и старое своеобразно-пестро перемешивалось между собою и никто хорошо не знал, чего следует держаться: один тянул в одну сторону, другой — в другую, третий думал совместить и то и другое. В отправлении ежедневных церковных служб всюду проявилась беспорядочность, крайняя во всем неустойчивость, соблазнительное

разнообразие и произвол отдельных лиц. Сам Никон на упрек, сделанный ему в 1663 году Паисием Лигаридом и Одоевским: зачем он издал три служебника и все они разнятся между собою? ответил: «ныне-де поют так, кто как хочет, а то-де чинится от непослушания». Царь Алексей Михайлович, в своем повелении в 1662 году о созвании по делу Никона собора и о приглашении на него восточных патриархов, говорит: «Никону убо отшедшу. и пребывающу в новопостроенных от него обителях, о вдовстве ея (церкви) не радящу, также и о несогласии церковного пения и о службе божественной литургии и о иных церковных винах, которой учинились при бытиях патриаршества его, и потому действуютя и до ныне, и от того ныне в народе многое размышление и соблазн, а в иных местех и расколы». Посланный царем на восток подъячий Перфилий Оловеников, от имени государя говорил иерусалимскому патриарху Нектарию: «на Руси митрополиты, архиепископы, и епископы и весь церковный чин в несоглашении, в церквах Божиих служат всякий своим нравом». Вятский епископ Александр в челобитной государю пишет: «вси мнящиися столпи настоящего времени друг с другом в чинах церковных согласия не имут, у когождо бо их свое мудрование... смущающихся о несогласии церковнем, духом кротости исправить не тщимся, но в своих обычаях утверждаемься, ратующе Христово стадо, древния же церковныя чины отметающе и новыи необычно начинающе, вредим, их же должно пользуети». Соловецкий архимандрит Варфоломей заявляет, что когда он ехал в Москву, то, «по грехам нашим, после моего поезде к Москве, учинилась в монастыре, в братье и мирских людях, великая смута, будто священники и диаконы почали службу служити не так, как было при мне, архимандрите, и в службу ввели чины нововводные, и подаяние божественных и животворящих таин, тело Христово, учили подавати священники священником и дяконом иной с северную страну, а иной с летнюю страну, и о том у них в церкви Божии и в олтаре во время божественной службы и святого причащения стала смута и вражда велия». [Матер. III, 40. С своей стороны и Неронов в челобитной государю 1660 года об избрании нового патриарха пишет: «смущение убо велие, государь, в великой Росии о церковных вещех, яко же и сам веси, благочестивый государь царь, во все убо семь лет, тысящи тысящ, душ христианских, сомнения ради церковных вещей, чужи общения пречистых таин, и учения несть, паче же и согласия ради церковных учителей. Помилуй ко отчаянию близ сущих и спастися желающих». Инок Авраамий пишет царю: «воззри, христолюбче, убо аще неленостен еси, обратиши ли где праве напечатанную без всякаго порока в церквах святых какую ни есть книгу от Никона бешенова начальства лет 15 и больше? Непорочныя же старыя книги обесчестованы. К сему же: обрящеш ли чин и последование по указанному святых и богоносных отец законению? Обрящеш ли суд и отмщение в вещех церковных, или строителя, или начальника праве исправляюща слово истины, и по чину вся бывающая в церкви? Но веем, яко неудобь обрести возможеш, но точию в соборных градских церквах, во ниже во епископиях, паче же ни в монастырех. Виждь убо, аще не плача достойна сия окаянная времена наша, в ня же, увы, достигохом?» (Матер. I, 170. VII, 93-94).] В «повести о блаженной жизни преосвященнейшего Илариона митрополита суздальского» рассказывается, что когда Никон разослал приказ служить по новоисправленным книгам, то преподобный, бывший в то время настоятелем Флорищевской обители, «зело усомневашеся о том, глаголя: писано есть: аще кто

прибавит или убавит, анафема да будет, и начат о том со слезами ко Господу Богу молиться прилежно, да ими же весть судьбами откроет ему о сем... Бог же не призре моления раба своего, откры ему сицевым образом:» когда Иларион решился отслужить по новоисправленным книгам одну обедню, и, по окончании ее стал вытирать губою святой патир, то увидал, что внутри патира выступила кровь, «выступила та же кровь и на внешнюю сторону патира». Тогда недоумевающему о явлении Илариону был глас: «елико крови обретется внутри чаши, толико и на внешней стране чаши; тако разумей и о исправлении книжном и о прочем; аще по прежним, или по нововсправленным службникам, обаче ни чим же новоисправленная служба меньше первая». Уверившись таким чудесным образом в одинаковом достоинстве новоисправленных книг с старыми, Иларион не только сам стал служить по новым книгам, но и требовать того же от своих учеников. Одни повиновались ему, «овии же упорством многим возразишася, и даже до смерти совещастаня в своем упорстве стояти, укоряюще самага преподобнаго, якобы самому ему с правого пути совратитися, глаголюще ему со укоризною: яко самому тебе прежде учити нас даже до смерти о сем стояти. Преподобный же некоего ученика — Пестяковца проста и письма не умеющаго, многим постом и поклонами и плинфы на выю его повесивше, смиряше». Но подобного чудесного уверения в одинаковом достоинстве старых и новых книг удостоивались, конечно, очень и очень немногие, большинство же колебалось и не знало, чего ему следует держаться.

Очень живую и яркую картину нестроений, колебаний в пестроты в отправлении разных церковных служб рисует нам современник — суздальский священник Никита Добрынин (Пустосвят) в челобитной государю. «Во многих градах твоя благочестивой державы, наипачеже в селех, пишет он государю, церкви Божии зело возмущены, еже есмь много ходах, и не обретох дву, или трех церквей, чтобы в них единочинно действовали и пели, но во всех разнствие и велий раздор: в той церкви по книгам Никоновым служат и поют, а в иной по старым, и где на праздники, или на освящение церкви, два или трое священников литоргию Божию служат, и действуют по разным службникам, а иные точию возгласы по новым возглашают, и всяко пестрят. Наипачеже в просфиромисании священнодействуют и просфиромисают семо и овамо: овии от них постарине агнец Божий прободают, инии же — по никонову толкованию, в другую страну, и богородичну часть с девятью частями полагают, а про чии части выниають и полагают что и сказать неведомо как, — овии от них троеугольно части выимают, инии же щиплят копием и части все смешают в груду. Ктому и диаконы со иереи не согласуются: ов священнодействует по новому, а другой по старому. Инии же священники, против 52 главы никоницкие книги, велят дьяконом агнец выимати. И о том в смятении вси. Такожде и певцы меж собою в несогласии: на клиросе поют тако, а на другом инако. И во многих церквах служат и поют ни по новым книгам, ни по старым. И евангелие и апостол и паремии чтут и стихеры кананархистають ни греческим, ни словенским согласием: понеже старое истеряли, а новое не обрели. И священнотаиственная Божия служба и весь чин церковный мнется: одни служат и поют тако, инии же инако, или — ныне служат тако, а наутрие инако. И указуют на никоновы печатные книги и на розные и непостоянные указы. Такожде и в прочих во всех службах раздор и непостоянство... И во всем, великий государь, в

христоименитой вере благочестивого твоего государства раскол и непостоянство. И от того, великий государь, много христианских душ, простой чади, малодушных людей, погибает, еже во отчаяние впади и к церквам Божиим дооскуду учили ходить, а инии и не ходят, и отцев духовных не учили иметь».

Не только в церковных службах, но даже в самой одежде архиереев, священников, дьяконов, а также и иноков, явилось, со времени реформ Никона, разделение и разнообразие: одни из духовных одевались по-старому, другие по-новому, третьи просто по-мирски. что невольно всем резко бросалось в глаза, вызывало недоумения, разные толки и соблазн. Священник Никита пишет царю: «богомольцы твои, святителие Христовы, меж собою одеждою разделилися: ови от них носят латынские рясы и новопокройный белый клобук на колпашных камилавках, инии же, боясь суда Божия, старины держатся. Тако же и черной власти и весь священнический чин одеждою разделилися ж: ови священники и дьяконы ходят в одно рядках и скуфьях, инии же по иноземски в ляцких рясах и в римских, и в колпашных камилавках, а иные, якоже простые людины, простоволосы ходят и шапку с соболем с заломы носят; а иноки не по иноческому чину, но — полячки — без манатей, в одних рясах, аки в жидовских кафтанах, и римских рогатых клобуках». По этому поводу Никита делает такое замечание: «в том странном одеянии неведомо — кое поп, и кое чернец, или певчий дьяк, или римлянин, или лях, или жидовин». Соловецкие иноки пишут государю: «святительский белый клобук, из Риму принесенный, иже от самого Господа нашего Иисуса Христа на прославление истинного нашего православия русийскому царствию преданный, переменили, а священнический и иноческий чин до конца обругали: попы мирские, яко никонова предания ревнители, нарицаемии никониане, ходят по-римски без скуфей, оброслыми главами и волосы распускав по глазом, аки паны, или опалные тюремные сидельцы, а иные носят вместо скуфей колпаки черные, и шапки кумыцкие, и платье все не русское же; а чернцы ходят в церковь Божию и по торгом без манатей, безобразно и бесчинно, аки иноземцы, или кабацкие пропойцы, не по преданию святого Василия Великого». Инок Авраамий про современных ему архиереев пишет: «одеющаяся в брачная цветная одеяния, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры в руках позлащены имуще, воцаритися над людьми хотяще, параманды такоже золотом вышивающе. Се есть монах! се есть учитель! се есть премудр! се есть наша вера! Таковии суть ныне законоучители — блазнители прелестницы!».

Тяжелое наследство оставил Никон своему бывшему «собинному» другу — царю Алексею Михайловичу, все в тогдашней нашей церковной жизни, сверху донизу, находилось в полном смятении и как бы разложении, ни в чем не было устойчивости, определенного порядка и прочности, все как бы шаталось, всюду видны были только рознь, раздоры, взаимная ненависть и борьба. Общая нелюбовь лично к Никону перешла и на его реформу: большинство, как мы показали, относилось к ней отрицательно, сами архиереи сначала видели в ней только личное дело одного Никона, только проявление его патриаршего самовластия и самочиния. Даже ученые греки смотрели на Никона, за его

церковно-реформаторскую деятельность, как на опасного новатора, как на разорителя вековых священных традиций и обычаев, достойного за это всякого порицания и осуждения. Казалось, что наступило время, когда должны были сбыться слова Иоанна Неронова, некогда сказанные им Никону патриарху: «что ты един де затеваешь, то дело некрепко; по тебе иной патриарх будет, все твое дело переделывать будет: иная тогда тебе честь будет, святой владыко»; казалось, что возвращение к дониконовским церковным порядкам действительно было бы, при тогдашнем состоянии умов, самым подходящим выходом из запутанного положения церковных дел, так как оно вполне соответствовало бы желаниям и настроенности значительного большинства тогдашнего общества и, по-видимому, способно было внести в него необходимое умиротворение и успокоение. Дело с реформой Никона, казалось, висело на волоске. Но реформа Никона однако не погибла, так как весь дальнейший тот или другой ход этого дела зависел теперь прежде всего и главным образом от царя Алексея Михайловича, который, после оставления Никоном патриаршей кафедры, сделался единственным фактическим управителем всей русской церкви, почему исключительно именно от него зависело признать или не признать церковную реформу Никона. Как повел это дело и к какому концу привел его царь Алексей Михайлович, это мы увидим из дальнейшего нашего исследования.